

6. Европейский исторический форум

Эпохальный 1917 год: (страшный) сон об освобождении?

Ретроспективный взгляд на важную веху в истории Восточной и Южной Европы

В Берлинском фонде Генриха Бёлля уже стало маленькой традицией: раз в год в офисе «зеленого» политического фонда встречаются историки, социологи, деятели культуры и средств массовой информации, а также представители неправительственных организаций из разных стран, чтобы побеседовать друг с другом на «Европейском историческом форуме». 22–23 мая в шестой раз состоялась конференция, которая проводится в сотрудничестве с российским Научно-информационным центром «Мемориал».

Аудитория этого общественного мероприятия всегда самая пестрая, ведь форум предназначен для всех, кто в силу профессии, в рамках общественной работы или лично интересуется историей XX века.

В этот раз участники конференции на исторического форума оглянулись на сто лет назад. Что волновало тогда мир в целом и европейский континент в частности? И как сказываются события тех времен на настоящем?

Первая мировая война определяла текущие события 1917 года. Вступление в войну США в апреле этого года означало, что Соединённые Штаты взяли на себя роль регулирующей силы в Европе. В январе 1918 года американский президент Вудро Вильсон в своих «Четырнадцати пунктах» провозгласил принцип национального самоопределения и идею международного права основой международных отношений. Лига наций, основанная после Первой мировой войны, впервые попыталась институционализировать эти идеи.

Свержение царя в Российской империи в феврале 1917 года и приход к власти большевиков в ноябре этого же года также сказались на всей Европе. Изначально переворот совершался как освобождение от авторитарной власти и нес с собой надежды на прогресс, справедливость и национальное самоопределение. Однако Россия пошла по пути большевистской «власти рабочих и крестьян», и в стране закрепился небольшой революционный авангард во главе с Лениным, претендовавший на все политические, экономические и военные ресурсы власти.

В конечном итоге 1917 год географически разделил две разные концепции народного суверенитета: либерально-демократическую с ее институтами правового и конституционного государства на Западе и узаконенную всенародными голосованиями претензию на лидерство коммунистической кадровой партии — на Востоке.

Содействие критической, научной и общественной дискуссии

Со стороны организаторов шестого исторического форума участников поприветствовали *Вальтер Кауфман*, руководитель отдела Восточной и Южной Европы фонда Генриха Бёлля, и *Ирина Щербакова*, одна из инициаторов правозащитной организации «Мемориал». Они подчеркнули важность диалога в то время, когда история снова используется для легитимизации войны и пропаганды. «За прошедшие годы форум не утратил своей актуальности, — сказала Ирина Щербакова. — Потому что история XX века нас все еще не отпускает».

Вальтер Кауфман в очередной раз подчеркнул цель конференции: речь идет не о передаче актуального уровня изучения проблемы, а о стимулировании критической, научной и общественной дискуссии. Понять собственный взгляд на историю, проанализировать его и сопоставить с мнениями людей из других стран, — вот в чем заключается смысл и цель этой серии мероприятий.

Как захват власти большевиками влияет на наш мир до сегодняшнего дня

Историк и публицист Герд Коэнен открыл конференцию вступительным докладом под названием «В круге истории? Как захват власти большевиками отразился на нашем мире», дав удачный старт двухдневной дискуссии об эпохальном 1917 годе.

«С какой Россией мы имеем дело?» — для начала задает вопрос Герд Коэнен. В стране сформировались буржуазия и рабочий класс, их представители были очень молоды. Гражданское общество было охвачено бурным движением начиная с 1891 года. В 1905 году негодование людей вылилось в первое революционное восстание. «В течение нескольких месяцев сотни тысяч людей устраивали забастовки, бунты, в стране стали выходить новые журналы, перестала работать цензура». Однако царь жестоко подавил революцию. «Ничего не было решено. Россия застряла в кризисе развития».

В феврале 1917 года сценарий повторился. На этот раз события влились в серию свержений, происходивших в то время в Турции, Китае и Иране. «Можно сказать, что произошла волна евразийских революций». Но ни одну из них нельзя сравнить с революцией в России.

После свержения царской власти в Петрограде было назначено Временное правительство: в левом крыле заседал Совет рабочих и солдатских депутатов, в правом — Временное правительство, состоявшее из либерально-буржуазных реформаторов, социалистов и социал-революционеров. «Ленин охарактеризовал эту власть как двоевластие, хотя на самом деле никакого двоевластия не было». Герд Коэнен считает, что вплоть до сентября-октября 1917 года обе стороны сотрудничали друг с другом. Была разработана даже прогрессивная новая конституция для страны.

Однако Ленин не хотел ничего знать об этом сотрудничестве, что раздражало даже его однопартийцев. Он характеризовал деятельность Временного правительства как предательство интересов и требовал его уничтожить. «Ленин всегда действовал как представитель меньшинства, всегда добивался своего, историкам это сложно понять».

Когда в ноябре 1917 года большевики пришли к власти, Ленин преследовал только одну цель: «Ленин всегда стремился к абсолютной, тотальной власти», — утверждает Герд Коэнен. — В определенном смысле действительно можно сказать, что он изобрел политический тоталитаризм XX века». Формы власти, претендовавшей на становление всех жизненных отношений людей между собой, вплоть до мышления. «Стояла задача преобразовать все общество, что в этой ситуации кажется абсолютно невозможным, абсурдным замыслом, потому что этот замысел направлен против большей части общества». Но война сделала невозможное возможным.

После заключения Версальского договора мироустройство, по мнению большевиков, было таким: «Мир разделился на державы-победительницы, которые позднее стали называться западными державами, и большой угнетенный мир, к которому отошла и Германия». Большевики поддерживали особые экономические отношения с Веймарской республикой, закрепленные в Рапалльском договоре 1922 года; до 1933 года велось сотрудничество с немецкой армией — «конспиративное сотрудничество, в рамках которого были разработаны все современные системы оружия, которые были использованы в битвах Второй мировой войны. Это сотрудничество отнюдь не было каким-то пустяком». Только после подписания Гитлером пакта с Польшей в большевистской политике наступила резкая смена курса. Началась короткая фаза антифашизма. До этого времени игра с фашистскими державами продолжалась, несмотря на арест коммунистов.

По мнению Герда Коэнена, реальный социализм, который установился позднее в Советском Союзе, вплоть до распада в 1989 году демонстрировал признаки военного реализма. «Это была самая устойчивая характеристика». Все коммунистические власти были способны к «чрезвычайному, милитаристскому проявлению силы, но при этом практически не способны к её использованию в гражданско-общественной или гражданско-экономической сфере деятельности». Этот путь длиной в столетие наводит на размышления и в наши дни.

Как Россия вспоминает события 1917 года?

В Восточной и Южной Европе долгие десятилетия детей учили, что российская революция в октябре-ноябре 1917 года была началом великого освобождения, которое было призвано избавить людей во всем мире от угнетения по социальному и национальному признаку. После распада Советского Союза навязанная тогда героическая память превратилась в разнородную смесь из осуждения, вытеснения и частичного признания. Какие события 1917 года вспоминаются сегодня часто, а какие вытесняются из памяти? Как выглядит официальное понимание истории? После вступительного доклада Герда Коэнена эти вопросы осветили историк из Санкт-Петербурга *Борис Колоницкий* и социолог из Москвы *Елена Рождественская*.

По словам Бориса Колоницкого, в 2007 году годовщину революции в России отметили довольно масштабной официальной церемонией. Что ожидается в 2017 году историк не знает. По его мнению, большого празднования не будет. Если смотреть с точки зрения истории и политики, в России нет ничего более непредсказуемого, чем влияние прошлого.

Опросы показывают, что у населения нет интереса к этой теме. Тем не менее, у каждого есть хорошо сформированное мнение на этот счет. Новых публикаций появляется немного, проходят лишь отдельные мероприятия и выставки. Одно из предположений Колоницкого — о том, что теории заговора будут набирать силу, — подтвердилось. Крупных политических инициатив до сих пор нет. Несмотря на то, что российское министерство культуры и инициировало идею создания «памятника национальному примирению», денег на ее воплощение в жизнь до сих пор нет. Будет ли эта идея с памятником реализована в Крыму остаётся под вопросом. В целом у историка сложилось впечатление, что правительство хочет, чтобы 2017 год прошел как можно скорее.

Чего он не смог предугадать, так это критики революции со стороны русской ортодоксальной церкви. Новых исторических проектов, например, «Проект 1917. Свободная история», он тоже не ожидал. Онлайн-портал, обращенный, прежде всего, к молодежи и рассказывающий историю мультимедийно, был подробнее представлен в ходе исторического форума публицистом и редактором *Андреем Борзенко*. Как пояснил Андрей Борзенко, портал стал попыткой по-новому рассказать об исторических процессах, и при этом заглянуть в места, очень популярные у молодых людей. То есть в социальные сети. В «Проекте 1917», доступном с 2016 года на сайте <https://project1917.com>, каждый день добавляются сообщения и посты — в сетях Facebook, ВКонтакте, Twitter и Instagram.

Доклад Елены Рождественской о политической и социальной роли женщин в России сегодня и сто лет назад обогатила ретроспективный взгляд на революцию гендерным измерением. Во всяком случае февральская революция 1917 года также была непосредственно связана с феминистскими требованиями эмансипации. 8 марта — 23 февраля по старому юлианскому календарю — 1917 года текстильщицы Выборгского района Петрограда (ныне Санкт-Петербург) призвали рабочих к забастовке. Они дали толчок прогрессивным процессам: какое-то время были разрешены аборты, стали возможными разводы и свободный выбор партнеров. Текстильщицы требовали для женщин полноценного права на образование и участие в выборах. Несмотря на то, что позднее в Советском Союзе женщины имели такие же возможности в плане образования и профессии как и мужчины, они долго оставались исключенными из процессов принятия значимых политических решений. В СССР никогда не ставилась под сомнение традиционная модель распределения обязанностей по домашнему хозяйству, что приводило к возникновению постоянной двойной и чрезмерной нагрузки на женщин.

Сегодня Елена Рождественская наблюдает неоконсервативные тенденции в российском обществе. От 8 марта, которое в начале 20-х годов прошлого столетия было названо «Международным женским днем», с советских времен осталось только нечто вроде Дня матери с признаниями в любви и цветами. О политической забастовке текстильной фабрики датированной 8 марта 1917 года сегодня больше никто не вспоминает.

Интерпретация революционного года в Восточной и Южной Европе

В конце Первой мировой войны распались Российская и Османская империи, перестала существовать и Австро-Венгерская двойная монархия. Мечта о социальном освобождении уступила место стремлению к национальному самоопределению, всплеск которого произошёл благодаря революции в России и тезисам американского президента Вудро Вильсона. В Восточной и Южной Европе многие страны пережили глубокие потрясения, вылившиеся в различные попытки установления нового порядка.

I. Взгляд на Грузию

Какие представления преобладали в Грузии в 1917 году? Какого рода процессы происходили там? *Леван Лорткипанидзе* — политолог из Тбилиси — и *Бека Кобахидзе* — историк, тоже из Тбилиси, рассказали о событиях тех времен и их влиянии на современность.

В 1917 году февральская революция в России привела к свержению царской власти и в Грузии. Затем, по словам Левана Лорткипанидзе, наступил короткий период свободы, о котором, правда, сегодня мало вспоминают. 26 мая 1918 года Грузия провозгласила свою независимость, но молодое государство — Демократическая республика Грузия — просуществовало недолго. Спустя три года оно было оккупировано Красной Армией и прекратило своё существование.

Однако за этот весьма непродолжительный период независимости произошёл ряд прогрессивных событий: состоялись свободные выборы, участвовать в которых могли как мужчины так и женщины. Избранное подавляющим большинством правительство меньшевиков-социал-демократов провело различные реформы, в том числе оно ввело минимальную заработную плату, пенсионное страхование, пособие по безработице и 8-часовой рабочий день. «Рабочие и сотрудники высших учебных заведений получали одинаковую зарплату», — сказал Бека Кобахидзе.

Леван Лорткипанидзе рассказал, что с 2010 года в Грузии действуют различные движения, которые выступают с требованиями не забывать эту часть истории. Однако советское прошлое до сих пор играет доминирующую роль.

II. Взгляд на Украину

Андрей Портнов, историк из Днепра, живущий в Берлине, в своем докладе взял на себя непростую задачу описать развитие Украины с 1917 года до начала 20-х годов XX ст. Андрей Портнов напомнил, что в то время Украина была разделена между двумя империями — Австро-Венгерской и Российской. В 1917–1921 гг. в обеих частях произошла так называемая украинская революция.

В западной части она привела к провозглашению в 1918 году Западно-Украинской Народной Республики. На Востоке, напротив, за кратчайшее время произошла многократная смена власти с попытками реализации разнообразных локальных политических проектов. Анархистские народные движения, имевшие ярко выраженную социалистическую и националистическую направленность и располагавшие большими армиями, вели борьбу друг с другом. Но при этом необходимо отметить, что у них не было единой идеи о том, как должна выглядеть независимая Украина. Скорее всего они стремились к автономии Украины но в составе России.

Только в 1918 году в Восточной Украине существовало не менее трех крупных государственных образований: Украинская Народная Республика в Киеве, независимость которой Центральная Рада провозгласила в январе, режим гетмана Скоропадского, пришедший к власти в результате апрельского путча в Киеве и Украинская Советская Республика в Харькове.

После взятия Киева большевиками в январе 1919 года была провозглашена Украинская Социалистическая Советская Республика. Несмотря на то, что это ознаменовало поражение всех украинских проектов в борьбе с советской властью (некоторые участники были изгнаны, другие убиты или попали в тюрьму), тем не менее, самостоятельность Украины впервые получила признание. «Впервые были признаны границы республики, а также украинский язык и литература. Это своего рода парадокс», — сказал Андрей Портнов.

III. Взгляд на Балканы

Срджан Милошевич, историк из Белграда, *Петар Тодоров*, историк из Скопье, и *Амир Дуранович*, историк из Сараево, вместе осветили влияние революции в России и Первой мировой войны на балканский регион.

Срджан Милошевич вкратце рассказал о создании Королевства Югославия в 1918 году. Эта монархия находилась под руководством Сербии. Историк констатировал, что все приказы приходили из Белграда и для многонационального государства, которое также именовалось Королевством сербов, хорватов и словенцев, никогда не предусматривалась структура федерализма. Эта форма сербско-ортодоксального государственного строя получала поддержку, в первую очередь, от царской России, с которой вплоть до послереволюционных времен отношения были особыми, причем современная Сербия стремится продолжать эту традицию. Так, к 100-летней годовщине начала Первой мировой войны в 2014 году в Белграде был установлен памятник царю Николаю II. «Думаю, это самый большой памятник такого рода за пределами России», — сказал Срджан Милошевич.

Петар Тодоров в своем докладе подробно остановился на культуре воспоминаний о Первой мировой войне, установившейся в Македонии. По мнению историка, в анализе истории политики сегодня не заинтересованы. Война представляется скорее как катастрофа македонского народа, ставшего заложником обстоятельств. «Культивируется миф о жертвенности», — говорит Петар Тодоров. Исторические события политизируются и не анализируются в достаточной степени. Вместо этого македонская историография рассматривается через этническую призму, которая оставляет без внимания сложность исторического процесса. «Македонии нужна перезагрузка», — настаивает Петар Тодоров.

Амир Дуранович завершил посвященную Балканам часть исторического форума взглядом на Боснию и Герцеговину, которая сначала была частью Османской империи, а в 1878 году вошла в состав Австро-Венгерской империи. Австро-Венгерское правительство хотело создать плюралистическую и многоконфессиональную боснийскую нацию — проект, который так и не был реализован. Дело в том, что с 1918 года Босния и Герцеговина входила в Королевство Югославия под сербским управлением. Каждая крупная этническая группировка — будь то мусульманские боснийцы, сербы или хорваты — была представлена в то время собственной партией.

В принципе, спустя сто лет ситуация изменилась лишь незначительно: партийный ландшафт стал еще более пестрым; каждая этническая группировка имеет свою оценку развития Боснии и Герцеговины. «Дискуссии, которые велись в 1917 году, и дискуссии, ведущиеся в 2017 году, схожи», — сказал Амир Дуранович. — Возникает впечатление, что прошлое ничему нас не научило».

Заключительная дискуссия и перспектива

В завершение конференции был задан вопрос о том, какие выводы можно сделать из услышанных докладов и дискуссий. *Андреас Польштерман*, бывший руководитель офиса фонда Генриха Бёлля в Белграде до 2016 года, считает, что отношение малых наций к великим державам не изменилось. Когда меньшие нации хотели обрести самостоятельность, всегда

находилась та или иная держава, которая поддерживала их в этом стремлении. По его мнению, это было необходимо, потому что национальное освобождение было невозможным без поддержки на международной арене или гарантированного порядка. Европейский Союз стал весьма успешной попыткой создать необходимую международную правовую основу и достигнуть равновесия между тенденцией освобождения наций, с одной стороны, и балансом интересов разных государств — с другой.

Андреас Польштерман с тревогой оценивает текущие процессы в США, где руководство страны, вероятно, максимально отстраняется от существующего порядка и проводит политику „America First“ («Америка прежде всего»), — плохие новости для небольших стран, в том числе и для Германии, успешному развитию которой способствовало соблюдение принципов либерализма. США якобы хотят вернуться к балансу между великими державами и та Россия, которая опирается на традиции XIX века, для них не является проблемой.

Другое требование высказала *Ирина Щербакова* из «Мемориала». Она считает, что история снова должна быть «нормализована» и стать наукой. «У каждого есть свое мнение об истории, это уже почти трагическая закономерность». Анализ исторических процессов предполагает не учёт субъективных мнений, а установление причин, следствий и связей между событиями и явлениями. Обсуждение этого аспекта обязательно продолжится на следующем историческом форуме, который состоится в мае 2018 года.

Приложение: экскурсии

Как и в прошлые годы, в рамках Европейского исторического форума были организованы три экскурсии. Они стали отличным практическим дополнением к теоретическому материалу докладов. Часть участников вместе с берлинским историком *Юргеном Хофманом* посетила «кладбище социалистов» в районе Берлина Фридрихсфельде. Вторая группа отправилась в Немецкий исторический музей, где сотрудник музея *Михаэль Адам* акцентировал события революции в России 1917 года и их влияние на Германию во время проведения экскурсии по музейным залам. Третья экскурсионная группа вместе с политологом и культурологом *Андреем Чернодаровым* исследовала биографические следы революционных эпох и «золотых двадцатых» в Шарлоттенбурге.

Мария Уголева
Берлин, май 2017 г.